

Падение воли — слово божественное. Изначально оно означало лишь то, что у божеств от подношений или неверных обрядов всё тело покрывалось язвами и истончалась духовная энергия. Позже, переключаясь в народные уста, это выражение превратилось в прозвище для творящих зло духов и людей с порочными помыслами.

Цзян Чжо произнес:

— Такое тоже возможно... но, судя по твоим словам, дело это наверняка куда сложнее.

Подносчик ответил:

— Верно, благородный господин и обликом прекрасен, и умом выдающийся! После того как наставник Ли разрубил Бессмертного Хуана, все решили, что с этим покончено. Кто же знал, что в следующую ночь полной луны... эх, снова погибли люди!

Затаив дыхание от каждого его слова, слушатели заволновались и принялись наперебой допытываться:

— Как снова погибли? Из-за чего на этот раз? И как именно люди умерли?

Подносчик пояснил:

— На этот раз смерть была еще страшнее, все погибшие — из секты Костей Грома. После того как наставник Ли убил Бессмертного Хуана, он запретил кому бы то ни было приближаться к тому разрушенному храму, а для охраны специально приставил двенадцать учеников. И те, кто умер на этот раз, как раз и были этими двенадцатью учениками! Тем ранним утром крестьянин, везший овощи в постоялый двор, проезжал мимо и учувствовал густой запах крови. Зная, что поблизости орудует нечисть, он не смел приближаться безрассудно, а лишь бросил издали взгляд из-за ветвей дерева. Ой-ёй, ой-ёй! Этот взгляд напугал его не на шутку, угадайте, что он увидел? Всю землю устилали трупы! И все до единого обезглавленные, а кровь текла ручьями повсюду!

Гости тоже испугались не на шутку, и у тех, кто собирался наведаться на место происшествия, пыл угас наполовину. Цзян Чжо, прижимая к груди меч, напротив, заинтересовался:

— Что же на это сказал Ли Юнъюань?

Подносчик ответил:

— Наставник Ли разгневался, но не смел... кхе!

Он указал пальцем в определенную сторону — туда, где располагалась обитель секты Костей Грома. Оказывается, Ли Юнъюань опасался, что если весть дойдет до их штаб-квартиры, это навлечет на него гнев старших наставников, а потому потребовал, чтобы горожане прикинулись глухими и немymi. Тут Цзян Чжо всё понял: неудивительно, что Ли Сянлин не явился, — оказывается, он просто ничего не знал.

Один из гостей возмутился:

— Вот это со стороны Ли Юньюаня уже некрасиво. Раз дело не получило ясности и не было доведено до конца, прятать всё вот так и пускать на самотек — а что, если погибнут еще ни в чем не повинные люди?

Остальные наперебой поддержали его:

— Верно, верно! Это дело непременно нужно расследовать, чтобы люди могли спать спокойно.

Подносчик порылся за стойкой и вытащил измятое объявление:

— Уважаемые господа, взгляните: наставник Ли строго-настрого запретил посторонним приближаться и вести расследование. Тот разрушенный храм сейчас обнесен стражей надежнее любой крепости, к тому же в каждую ночь полной луна он отправляется туда лично охранять порядок, так что в последнее время никаких происшествий больше не случалось.

Гости вытягивали шеи, разглядывая листовку.

Подносчик, заработавший за вечер неплохи денег, проявил остатки совести и особо предостерег всех:

— Через два дня снова будет полнолуние, так что, уважаемые господа, не забудьте тогда заткнуть уши и ни в коем случае не поддавайтесь наваждению того пения. А если по небрежности забредет кто к наставнику Ли, умоляю, ни в коем случае не упоминайте название нашей скромной харчевни!

С этими словами он спрятал объявление и упорхнул, словно смазав пятки маслом. Однако, в отличие от прочих испуганных обывателей, Цзян Чжо вовсе не боялся. Более того, он не только не страшился, но и непременно вознамерился в ночь полнолуния лично посмотреть, в чем там дело. Поскольку он только что проиграл Ли Сянлину, на словах он поражения не признавал, но в душе всё же преклонялся перед ним, а вот этот Ли Юньюань, почитаемый вторым мечом Поднебесной, вел себя слишком уж неблагоприятно. Цзян Чжо подозревал здесь неладное, и если не разобраться во всем до конца, то в итоге пострадают лишь ни в чем не повинные люди.

Поэтому два дня спустя, допив вино на постоялом дворе, Цзян Чжо прихватил меч и направился на городскую окраину. Едва наступил вечер, как на дорогах воцарилась тишина: рестораны и чайные закрылись загодя, а дома наглухо затворили двери и окна. Добравшись в одиночку до разрушенного храма, он наложил технику невидимости, как вдруг услышал звуки барабанов и флейт.

Подойдя ближе, он обнаружил, что это ученики секты Костей Грома бьют в барабаны и дуют в бамбуковые флейты. Взяв за центр разрушенный храм, они расставили печатающий массив — всего тридцать два человека, каждый с суровым лицом, словно перед лицом смертельной опасности. А прямо перед входом в храм неподвижно восседал сам Ли Юньюань.

Раньше Цзян Чжо никогда не встречался с Ли Юньюанем, до него доходили лишь слухи о его мелочности и вспыльчивости, поэтому он представлял его таким заскорузлым консерватором. Однако, взглянув на него сейчас, он невольно испытал сильнейшее потрясение. Оказалось, что Ли Юньюаня хоть и нельзя было назвать писанным красавцем, но выглядел он чинно и утонченно, обладал выдающейся внешностью и походил скорее на ученого мужа.

— Как только пробьет полночь, прекращайте играть на музыкальных инструментах и применяйте Мечевой Массив Птицы Куньпэн, — тихо наставлял Ли Юньюань. — Без моего приказа строй не менять.

Мечевой Массив Птицы Куньпэн был одним из смертоносных приемов секты Костей Грома. Требовалось выставить тридцать два человека с мечами на позиции, а еще один должен был твердо занять центр массива, управляя им словно войсками: в обороне он мог отразить удар грома и молнии, в нападении — сокрушить любые потоки. Во время смуты шести провинций секта Костей Грома именно благодаря этому мечевому массиву неизменно оставалась непобедимой, причем чем выше была сила того, кто занимал центр массива, тем устрашающе мощь являл этот строй.

Раз уж Ли Юньюань выставил Мечевой Массив Птицы Куньпэн, это означало, что обитающая в храме тварь и впрямь ужасна и ее необходимо уничтожить любой ценой!

Ученики секты Костей Грома склонили головы, внимая приказам, и с наступлением полуночи в лесу воцарилась мертвая тишина. Сидя на дереве, Цзян Чжо вдруг почувствовал, как лицо обдал прохладный ветерок, а в ушах тихо зазвучало пение. Ночью кто-то словно читал Божественные Речи Наставления: это пение, подобно обвивающей шелк нити, мягко окутало разум, и постепенно всё вокруг затуманилось и расплылось...

Тут послылся голос Ли Юньюаня:

— Построиться!

Этот окрик прозвучал подобно звону нефрита о камень, вмиг прояснив сознание и заставив всех очнуться!

Как близко к беде! Крепче обхватив меч, Цзян Чжо моргнул и увидел, как ученики секты Костей Грома, словно очнувшись ото сна, один за другим выхватывают клинки. Внизу мгновенно сверкнуло море холодных отблесков, и тут же раздался беспорядочный звон: они заранее подвесили к рукоятям мечей бубенцы. По мере того как ученики выстраивались в боевой порядок, сбивающее с толку пение несколько раз заглушалось звоном колокольчиков.

— Гум!

Главный виновник, похоже, разгневался: из разрушенного храма взметнулась ослепительно-белая дуга и свирепо полоснула по людям! В мгновение ока поднялся зловеющий вихрь, зазвенели колокольчики, и лишь Ли Юньюань не изменился в лице — он держал обеими

руками длинный меч с целиком нефритово-зеленым клинком, позволяя ветру трепать рукава его одежд, являя собой истинное воплощение незыблемой скалы.

Не добившись успеха с первой попытки, противник пустил в ход новую уловку. Пение внезапно изменилось, зазвучав громче, и в ушах послышался шепот призраков и божеств: то грозный окрик, то насмешка, напоминавшие порывы штормового ветра с проливным дождем. Этот гул ворвался в сознание людей, заставляя у каждого из них ци и кровь течь вспять.

Один из учеников не удержал разум, пошатнулся и, прижав руку к груди, изверг полный рот крови. Стоило ему выплеснуть кровь, как бубенцы на его мече со звоном разлетелись вдребезги, и весь мечевой массив в тот же миг рассыпался и оказался на грани разрушения. Побледнев как положено, он вскричал:

— Учитель!

Ли Юнъюань даже не взглянул на него, лишь крепче сжал рукоять меча и повернул голову:

— Какой же друг пожаловал сюда поглазеть? Коль налюбовался зрелищем, изволь спуститься и оказать мне помощь!

Он обнаружил Цзян Чжо уже давным-давно. Тот и не думал смущаться: сняв невидимость, он громко отозвался:

— Зрелище и впрямь захватывающее, но, наставник Ли, я чужак и вовсе не владею вашим Мечевым Массивом Птицы Куньпэн...

Ли Юнъюань произнес:

— Голос твой кажется мне знакомым. Уж не тот ли ты Цзян Чжиинь, которого только что вышвырнул Ли Сянлин?

Цзян Чжо: «.....»

Ли Юнъюань продолжил:

— В детстве ты ведь гостил в моей секте Костей Грома. Тогда Ли Сянлин, пренебрегая правилами, обучил тебя Трем Заклинаниям Призыва Грома, помнишь ли ты их? Помимо Трех Заклинаний Призыва Грома, ты знаешь еще вторую и третью формы Мечтания Куньпэна. Если ты всё еще помнишь их, спускайся сюда и встань на то место, подменив этого моего никчемного ученика!

Речь его была преисполнена как твердости, так и мягкости: начав с напоминания о Трех Заклинаниях Призыва Грома, он заставил Цзян Чжо испытать угрызения совести. Ведь для ученика секты Пошо изучение Трех Заклинаний Призыва Грома изначально шло вразрез с правилами, и если бы тогда Ли Сянлин и Ши Ицзюнь не напились до бесчувствия и, приволочив Цзян Чжо, не настояли на обучении, этот случай никогда бы не сошел ему с рук.

Цзян Чжо ответил:

— Ладно, ладно... Я помню!

Он и сам давно этого хотел, да опасался, что Ли Юнъюань из заботы о чести секты не станет просить его о помощи. Не раздумывая больше, он спрыгнул с дерева, встал на пустующее место, бросил извиняющееся «прошу прощения» и «не обессудьте» стоявравшим вокруг ученикам секты Костей Грома, а затем с резким звуком выхватил собственный меч.

Этот меч, Буцзин, был излюбленным творением Ши Ицзюня, выкованным из Ледяной Стали Северной Цапли и исписанным по клинку золотыми рунами. Едва покинув ножны, он сам собой источил мороз: сильнейший леденящий порыв ветра, словно пронзающая воздух стрела, намертво вписался в этот Мечевой Массив Птицы Куньпэн! В тот же миг мечевой массив обрел потрясающую устойчивость, а смертоносное пение в ушах людей заметно стихло.

Ли Юнъюань не удержался от похвалы:

— Какой острый меч!

Улыбнувшись, Цзян Чжо уже собирался произнести вежливую отговорку, как из разрушенного храма донеслось несколько громовых раскатов — казалось, оттуда рвется наружу какое-то существо! Лицо Ли Юнъюаня заледенело:

— Применить Раскол Грома!

Раскол Грома как раз и был второй формой Мечтания Куньпэна, обладающей силой сокрушать небесную молнию. Ученики, включая Цзян Чжо, разом вскинули запястья и шагнули вперед, и их мечи превратились в несколько лучей пурпурного света, которые, словно сконцентрированные грозовые разряды, вонзились в разрушенный храм!

Бух!

Дверные щиты храма разлетелись в щепки, и изнутри со свистом вылетело несколько белых лучей, отбросив учеников назад. Натиск Раскола Грома тут же рассеялся, а земля под ногами внезапно вздыбилась, покрывшись бесчисленными трещинами.

Не успел Цзян Чжо разглядеть, что там внизу, как непрекращающееся пение вновь сменило мотив, став еще яростнее и зловещее прежнего! Ученики вскрикивали от боли, а обладающие меньшей базой культивации даже начали кровоточить из ушей.

Ли Юнъюань скомандовал:

— Успокоить дух, стоять на месте, ни в коем случае не двигаться!

С этими словами он резко взметнулся с мечом наготове: вспыхнул пурпурный свет, и храм

рухнул! Его владение мечом было невероятно быстрым, движение за движением — сокрушительными и свирепыми. От увиденного у Цзян Чжо рябило в глазах, и он подумал, что звание второго меча Поднебесной кому попало не достается!

Обитающая в развалинах нечисть, похоже, уступала в силе, и пение сделалось до того пронзительным, что людей вокруг тошнило кровью, а те зажимали грудь руками. Ли Юнъюань шел напролом, словно раскалывая бамбук, и, прижав белое сияние, приближался к завалу. Добравшись до храма, он взмахом мечевого ветра снес руины, заставив скрывавшуюся на дне нечисть явить истинный облик.

Кто бы мог подумать, что этой нечистью оказалась обычная свеча!

На поверхности свечи проступало множество человеческих лиц. Обретя форму, она запела еще громче. Ли Юнъюань без колебаний вонзил в нее меч:

— Прими смерть!

Но свеча вдруг погасла, и в этот момент неподалеку раздался чей-то голос:

— Издалека заправитив сверкание мечей, я подумал, что здесь упражняются старшие из секты Костей Грома.

Пришедший улыбнулся. — Нижайший Цзин Юй из Управления Судебной Власти горы Чжуаньвань... Старшие, нуждается ли вы в помощи?

Ли Юнъюань вершил расправу над нечистью в самый критический момент, и разве мог он позволить кому-то вмешиваться? Злобно взмахнув рукавом, он холодно бросил:

— Не нужно! Людей здесь достаточно, прошу вас пожаловать в другое место.

Однако этот самый Цзин Юй и не думал сдвигаться с места. Заложив руки за спину, он вынес их вперед и обратился к Ли Юнъюаню:

— Старший, вы слишком холодны. Взгляните, эта свеча ведь ничем не примечательна.

Лица всех присутствующих резко изменились: свеча, что секунду назад находилась перед самым клинком Ли Юнъюаня, неизвестно каким образом очутилась у него в руке!

Ли Юнъюань произнес:

— Ах, так это ты.

Цзин Юй зловеще улыбнулся, словно находя происходящее крайне забавным:

— Верно, это я. Старший, вы меня знаете?

Ли Юнъюань слегка опустил кончик меча и окинул его взглядом:

— Я не знаю тебя. Я знаю лишь то, что некто, напустив на себя загадочности, в ночь полной луны поливал землю кровью городских жителей, чтобы заставить эту Свечу Небесных Звуков пасть и превратиться в отвратительную нечисть.

Оказывается, божеством Города Сяньинь была именно эта Свеча Небесных Звуков. Если говорить об этой свече, то она имела давнюю историю взаимосвязей с сектой Костей Грома: в былые времена прародитель секты Костей Грома Ли Цзиндао странствовал по свету и в Беспредельном Небесном Море горы Дунчжао по ошибке убил огромную рыбу. Чтобы душа рыбы не рассеялась, он использовал жир Огненной Рыбы для изготовления свечи, а затем испросил наложения трех Талисманов Лунного Божества, дабы эта свеча омывалась лунным светом и в конце концов стала божеством. Позднее потомки секты Костей Грома, желая приукрасить эту историю, выдумали дикую легенду о затмении Луны, так что до сего дня, кроме членов секты Костей Грома, никто не ведал, кто именно является здешним божеством.

Когда в первую ночь полнолуния пение унесло человеческие жизни, Ли Юнъюань догадался, что кто-то плетет интриги. Поскольку у каждого божества свои предпочтения и способы поклонения, окропление земли вином обычно применялось при почитании божеств земли, а убийца действовал изощренно: он использовал вместо вина человеческую кровь, вынуждая Свечу Небесных Звуков покрываться лицами и утрачивать духовную энергию.

Цзин Юй произнес:

— Старший, вы поистине второй меч Поднебесной — в мгновение ока раскусили мой замысел. Впрочем, хотя вы меня не знаете, я-то вас знаю, и не просто знаю, а хорошо изучил. Я предполагал, что, даже догадавшись о злом умысле, вы не станете отправлять вестников в секту Костей Грома, потому что вы — второй. Человек, а особенно человек гордый и высокомерный, не мог потерпеть поражение в фехтовании от Ли Сянлина, чтобы еще и в служебных делах уступить ему же. К тому же сегодня ночью луна скрыта за дымкой, и кроме вас, вряд ли найдется второй мастер такого уровня.

Губы его были алыми, зубы — белыми, и он улыбался так приветливо, словно толковал не о собственных коварных планах, а утешал Ли Юнъюаня. Ли Юнъюань молча отступил на два шага назад, заслоня собой учеников:

— Чего ты добиваешься?

Цзин Юй поднял Свечу Небесных Звуков и вздохнул:

— Старший, вашим фехтованием я искренне восхищаюсь. Мне еще не доводилось видеть столь быстрых мечей, и что с того, что вы проиграли Ли Сянлину один удар? Мир так велик, и найдется немало тех, кто способен по достоинству оценить вас.

Ли Юнъюань спросил:

— О? Неужели?

Слово «неужели» еще не успело затихнуть на губах, как его клинок ослепительно вспыхнул. Нанесший несколько ударов подряд, он метил прямо в голову Цзин Юя. Голова со стуком покатилась по земле, но лицо Ли Юньюаня вдруг залилось нездоровым румянцем, и его вырвало кровью. Повернувшись к ученикам, он отдал приказ:

— Примените Исполнение Приказа, бегите!

Облик Цзин Юя расплылся, обратившись черным туманом, и вновь материализовался в стороне. Окинув Ли Юньюаня взглядом, он с усмешкой произнес:

— Старший, пение небесных звуков давным-давно подорвало ваши силы, к чему же так упорствовать? Смотрю я на этих молодых талантов — быть может, изволите последовать со мной вместе с ними?

Ли Юньюань и слушать его не стал, выплевывая кровь и выкрикивая проклятие:

— Разрыв Шума!

Но черный туман черными птицами затянул небо, и этот окрик «Разрыв Шума» не возымел никакого действия!

Цзин Юй завел руки за спину. Безумно зловещий, он с усмешкой бросил:

— Сколько заклинаний ни произноси, толку не будет, лишь зря растратишь собственные силы. Впрочем, раз уж ты не хочешь идти со мной добровольно, у меня найдется тысяча способов принудить тебя — Посланник!

Среди учеников брызнули фонтаны крови: он управлял мертвецами, творя злодеяния, и подвесил нескольких человек в воздухе, собираясь устроить для Ли Юньюаня показательный допрос с кровопусканием.

— В тот день, — произнес Цзин Юй, — у тебя тоже было несколько учеников...

В этот самый момент свирепейшая Ци меча прорезала воздух, направшись прямо на Цзин Юя. Его речь оборвалась: застигнутый врасплох, он был ранен этим выпадом в руку. Опомившись, он слегка изменился в лице:

— Какая прелесть, в этой секте Костей Грома пряталась еще и мелкая рыбешка из секты Пошо...

Меч обнажил Цзян Чжо. Воспользовавшись моментом, Ли Юньюань немедленно применил заклинание Исполнения Приказа. Подхватив Цзян Чжо за шиворот под свист ветра за спиной, он ощутил, что все его ученики уже погибли. В этот момент его сердце буквально обливалось кровью, но он стиснул зубы и, не оборачиваясь, вышвырнул Цзян Чжо из рожицы наружу, рывкнув:

— К тебе это не имеет отношения, убирайся!

Автор замечает:

□: «Величайшие храбрецы Поднебесной не пугаются при внезапном нападении и не гnevаются без причины». — Су Ши, «О Люхоу».

Чуть не сорвавшись с тормозов, благодарю за прочтение.

Исправил небольшой баг (тихонечко крадется).

Меч Буцзин (2)

Однако, несмотря на намерения Ли Юнъюаня, Цзин Юй и не думал потакать его желаниям: в тот самый момент, когда тот оттолкнул юношу, черный туман вокруг них, подобно голодному тигру, бросившемуся на добычу, затянул их в мертвую петлю.

Ли Юнъюань обернулся:

— Раз уж ты явился за мной, к чему преследовать какого-то юнца? Он не ученик секты Костей Грома, отпусти его!

Цзин Юй поднял раненую руку и осмотрел ее с обеих сторон:

— Старший, ваши слова несправедливы. Ведь это он первым обнажил меч и ранил меня, с какой стати вы говорите, будто я его преследую? К тому же я уже давно наслышан о Мече Кармического Огня Посо, да и с этим юным другом мы считай что сроднились с первого взгляда.

Ли Юнъюань холодно взглянул на него:

— Выходит, ты намерен истребить всех до единого?

Цзин Юй неспешно прогуливался кругом, сохраняя безмятежный вид:

— Если вы согласитесь опустить меч из рук и запечатать свою духовную силу, я клянусь больше не чинить препятствий вам обоим.

Ли Юнъюань остался безучастен лицом:

— Хорошо. Этот меч годами все кличут вторым, от него сплошная дурная слава, и мне он изначально был не по душе — забирай, если хочешь. Только учение благородного гласит: слово сказано — четверка лошадей не догонит. Раз уж ты забрал мой меч, не вздумай нарушать обещание.

Цзин Юй ответил:

— Разумеется. Ручаюсь собственной жизнью: коль старший сложит оружие и запечатает ци, я дарую этому юному другу жизнь.

Ли Юнъюань отступил на два шага назад, оказавшись рядом с Цзян Чжо:

— Цзиньинь, ты любимый ученик Ши Ицзюня. Твой учитель ведь вышивала узор огненной рыбы на одеждах вас двоих или троих, верно?

Цзян Чжо был смел и проницателен, а потому подыграл ему:

— Верно. Мой учитель говорила, что покуда на мне узор огненной рыбы, она сможет чувствовать, жив я или нет.

Ли Юнъюань кивнул:

— Вот и отлично. Ночное происшествие тебя не касается: выбравшись отсюда, ни в коем случае не поднимай шум, просто возвращайся на гору Бэйлу.

В этих его словах сквозил скрытый подтекст, и оттого сердце Цзян Чжо слегка сжалось. Тем временем уверившийся в своей победе Цзин Юй даже не стал торопить:

— Старший может не беспокоиться, куда бы этот юный друг ни направился, я не стану чинить ему препятствий, мне нужен лишь вы — пойдете со мной.

Ли Юнъюань перевернул запястье, направив рукоять меча наружу:

— Помни, уговор дороже денег.

Сердце Цзян Чжо подкатило к самому горлу, и он предостерег:

— Наставник...

Ли Юнъюань жестом велел ему не вмешиваться, а затем обратился к Цзин Юю:

— Ну вот, меч у тебя. А теперь запечатай мои силы и духовную энергию сам.

Цзин Юй улыбнулся:

— Что ж, не смею отказываться от столь любезного предложения.

Он приблизился, чтобы забрать меч. Ли Юнъюань позволил ему подойти вплотную, и когда рука противника почти коснулась рукояти, внезапно спросил:

— Что за секта такое ваше Управление Судебной Власти?

Цзин Юй ответил:

— Мы... всего лишь молодая секта, что недавно заявила о себе на горе Чжуаньвань.

Ли Юнъюань слегка улыбнулся, и тон его был поистине ласковым:

— Неудивительно. Слышал ли ты о правиле, которому обязаны следовать все древние кланы и роды с богатой историей?

Цзин Юю стало любопытно:

— Какое еще правило?

Убийственный холод в глазах Ли Юнъюаня вспыхнул с новой силой, и он чеканно произнес:

— Карать за зло, истреблять нечисть, защищая Небесный Дао!

Стоило ему заговорить, как вспыхнул ослепительный клинок, а его фигура метнулась молнией, преграждая Цзин Юю путь к отступлению. Меч шел быстрее грома, обладая несокрушимой остротой, и в мгновение ока разрубил Цзин Юя надвое! Однако тело тут же обратилось черным туманом и уплыло из-под лезвия!

Цзин Юй разразился хохотом:

— Старший, я так и знал, что с вашим нравом вы ни за что не признаете поражения и не сдадитесь! Но ведомо ли вам, что чрезмерная жесткость легко ломает клинок? Такие люди, как вы, способны вызывать лишь ненависть!

Вновь материализовавшись в образе черного ворона, он попытался голыми руками завладеть мечом Ли Юнъюаня. Но даже будучи раненым, Ли Юнъюань не собирался сдаваться так легко. В мгновение ока они обменялись несколькими ударами.

Сообразив, что к чему, Цзян Чжо завопил:

— Братец-рыба, лови мой Разрыв Шума!

Крикнув так, он вместо этого применил мечом Буцзин прием Вытягивание Лезвия. Потoki энергии меча со свистом рассекли воздух, полоснув Цзин Юя по второй руке!

Цзин Юй взревел:

— Ах ты, хитрый негодяй!

Пользуясь моментом, Цзян Чжо развил успех:

— По части хитрости мне до тебя далеко! Получай удар мечом!

Цзин Юй решил, что тот собирается применить Меч Кармического Огня Посо, но юноша вдруг снова выкрикнул:

— Разрыв Шума!

Черный туман вокруг Цзин Юя поблек, и ему пришлось отвлечься, чтобы отразить атаку Цзян Чжо:

— Мелкий ублюдок, на этот трюк я больше не клюну...

Не успел он договорить, как с другой стороны раздался приказ Ли Юньюаня:

— Разрыв Шума!

На сей раз черный туман изрядно истончился, сквозь него смутно проглядывало бледное небо, а потому Разрыв Шума не оказался безрезультатным, как в прошлый раз. В тот же миг он призвал грозовые разряды, которые, извиваясь подобно пурпурным драконам, обрушились на Цзин Юя!

<http://bllate.org/book/19195/1885297>